

УДК 811. 111'25

© Т. П. Карпухина, 2013

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОПЫТКА РЕВНОСТИ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Карпухина Т. П. – д-р филол. наук, профессор кафедры «Английская филология»,
e-mail: tkarpukhina1@rambler.ru (ДВГГУ)

В настоящей статье рассматривается проблема перевода поэтического текста. Объектом изучения явились английские переводы стихотворения М.Цветаевой «Попытка ревности», рассматриваемые в аспекте их сопоставления с исходным текстом. В основу анализа положен критерий эквивалентности, определяющий соответствие переводного текста оригинальному произведению. В работе предпринят интегративный подход, учитывающий соответствие переводного текста исходному в отношении разных видов эквивалентности: денотативной, коннотативной, текстонормативной, прагматической, формально-эстетической.

The paper deals with the problem of translating poetry. The study object is the English translations of the poem "Attempt to Jealousy" by M. Tsvetaeva which are compared with the original text. The analysis is based on the criterion of equivalence which determines the compliance between the translated version and the original text. The author uses the interactive approach which considers the different forms of equivalence of the translated version and the original text, such as: denotative, connotative, textual, pragmatics and formal-aesthetic.

Ключевые слова: поэтический текст, теория перевода, исходный текст, переводной текст, эквивалентность, адекватность.

Осенью 2012 г. исполнилось 120 лет со дня рождения (26 сентября (8 октября по новому стилю) 1892 г.) М. Цветаевой, творчество которой потрясает высочайшим накалом чувств, страстной исповедальностью, пронзительной искренностью. Вся ее поэзия – это распахнутая настежь душа. Уникальность, неповторимость поэзии Цветаевой в том, что ее стихи – это «дневник», написанный «на максимуме откровенности», увековечивающий «ценность мгновения» [1].

Огромное место в лирической поэзии М.Цветаевой занимает любовь, в которую, по ее словам, проваливаются: «Вглубь – до потери чувства!», «Так влюбляются в любовь:/Впадываются в пропасть; «Так вбаливаются в лю-

бовь, /» [2]. Но в этой бездонной глубине – воспаряет небесная высь: «(Говорят, на дне оврага, / Может – неба на дне!)» [2].

Любовь для М. Цветаевой – и счастье, и страдание, потому что исходом ее всегда является разрыв, разлука. Но каким бы ликом ни оборачивалась любовь, счастьем единения душ или страданием расставания, для поэта она всегда – источник вдохновения: «И что тому, что костер остылый, / Кому разлука—ремесло! / Одной волною накатило, / Другой волною унесло» [2].

Одним из таких пережитых чувств, когда «вбаливаются в любовь», была ревность, испытанная Цветаевой после тяжелого расставания с человеком, вошедшим в ее жизнь весной 1923 г. Это был Константин Болеславович Родзевич (1895-1988), послуживший прообразом лирического героя в стихотворении «Попытка ревности» [2].

К. Б. Родзевич был незаурядной личностью, воевавшим добровольцем в первой мировой войне, боровшимся с интервентами в годы гражданской войны, сражавшимся в рядах Интернациональных бригад в Испании, участвовавшим во Французском Сопротивлении во время оккупации Франции. В 1943-1945 г. он был узником гитлеровских концлагерей, откуда был освобожден Красной Армией. В 1960-е годы К. Б. Родзевич передал России все материалы, связанные с отношениями с М. Цветаевой. Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой, характеризовала его как человека большого мужества, огромного обаяния и трудной судьбы [3].

Разлучило любящих, как можно догадаться по косвенным указаниям из других стихотворений, отнюдь не чувство ревности, а чувство долга перед семьей: «Гора говорила, что стар тот узел / Гордиев: долг и страсть;» «В час неведомый, в срок негаданный / Опознаете всей семьей / Непомерную и громадную / Гору заповеди седьмой!» [4].

Но вот проходит время и появляется стихотворение «Попытка ревности». О какой ревности идет речь, и каков смысл названия, сопрягающего заведомо не сочетаемые слова – попытку, означающую осознанное действие, поступок с целью осуществить что-либо, добиться чего-либо, но без полной уверенности в успехе, и ревность – мучительное сомнение в чьей-то верности и любви [5]? Ответ дает само стихотворение, внимательное прочтение которого выявит в нем не только противопоставление мещански-устроенного быта и магически-поэтического бытия, материального прозябания и духовного полета, преходящей стоимости рыночного товара и вечной ценности боговдохновенного творчества.

Лишь на первый, поверхностный взгляд воображаемый диалог с любимым рисует картину ревности к сопернице, воплощающей пошлость пустого, бездуховного существования. Потому стихотворение и называется «Попыткой ревности», что эта попытка не удалась: названное чувство претерпело метаморфозу и на поверку обернулось глубоким сочувствием к любимому. Он вынужден жить с чужой по духу женщиной, влачить жалкое существование, которое можно назвать лишь «подобием» любви, «провалом без глу-

бин». Так же тяжела и жизнь лирической героини, разлученной с равномошной ей душой.

Все сказанное подводит нас к той степени понимания стихотворения, которая позволяет уяснить, насколько полноценно передано данное произведение при переводе. В этой связи отметим, что сопоставительное изучение оригинального и переводного текстов, в том числе и «с целью установить, что было утрачено или искажено в процессе перевода», не следует недооценивать и оставлять в прошлом. Трудно полностью принять утверждение: «Современный подход решительным образом отличается [от прежнего, сравнительного [Т.К.]] и не является оценочным. Он стремится к пониманию изменения приоритетов во время переноса (трансформации) текстов из одной языковой системы в другую» [6].

Такой подход, безоговорочно уравнивающий оригинальный и переводной текст, не учитывает зависимого характера последнего, во всех смыслах подчиненного первому: «Переводной текст является производным от исходного текста: он создается на основе определенных характеристик оригинала и воспроизводит их средствами иного языка в условиях иной культуры» [7].

Напомним, что именно неоригинальный характер переводного текста, его зависимость от первичного, исходного текста, следование принципу подражательности свидетельствует о его вторичности. Перевод – это «творчество *вторичное*: переводчик не создает, а воспроизводит уже существующую эстетическую ценность. Его задача – *отразить отраженное* в оригинале с возможной полнотой и без ощутимых потерь» [8].

Декларируемый как «решительный» разрыв с прежней, критически-оценочной школой перевода, подход не в полной мере осознает роль человеческого фактора. Вполне может оказаться, что в определенном контексте акценты расставлены переводчиком не совсем корректно, если не сказать, ошибочно. Поэтому, представляется, что сравнительные исследования с присущей им оценочностью должны занимать особое место в теории и практике перевода.

В настоящей работе, выполненной в русле сопоставительных переводческих исследований, рассматривается стихотворение М. Цветаевой «Попытка ревности» в его сравнении с переводами, предложенными разными авторами. Первый перевод принадлежит перу видного английского поэта и переводчика Элен Фейнстейн, познакомившего английского читателя с творчеством Цветаевой в 1971г. [9]. Анализируемый перевод включен в академическую поэтическую антологию «The Oxford Book of English Verse», изданную в 1999 г. Второй из рассматриваемых переводов выполнен автором-любителем, ученым-физиком Рольфом Гроссом, подготовившим ряд трудов по истории и культуре России, в том числе и издания, посвященные М. Цветаевой.

В теории перевода сложились три исследовательские парадигмы – статическая, динамическая и деятельностная, объектом изучения которых являются, соответственно, язык, текст и переводческая деятельность [10]. Важнейшим в теории перевода является понятие эквивалентности, которая может

достигаться использованием как регулярных межъязыковых соответствий, так и разного рода речевых трансформаций [11].

Эквивалентность достижима на разных уровнях языка (морфем, слов, словосочетаний, предложений и даже текстов) [12]. В зависимости от типа информации выделяются следующие виды эквивалентности: денотативная (референциальная), коннотативная, текстонормативная, прагматическая и формально-эстетическая [13]. Главенствующую роль играет семантическая (денотативная и коннотативная) эквивалентность, предполагающая максимально возможную передачу смысла исходного текста.

Другой важный термин теории перевода – адекватность как «целое соответствие» – отличается от эквивалентности «как отношений подобия, приближающихся к тождеству» [6]. Эквивалентность как «центральное понятие и объект изучения теории перевода» подразумевает «равноценность исходного и переводного текста», адекватность же – это «термин, служащий для установления степени эквивалентности в переводном тексте»; «уровень требований к адекватному переводу ниже, чем к эквивалентному переводу. **Эквивалентный перевод** – это перевод, в котором переданы все типы эквивалентности. **Адекватный перевод** – это перевод, в котором переводчик, исходя из цели перевода и характера адресата, передает лишь денотативную эквивалентность, а остальными типами эквивалентности он может пренебречь» [14].

Эквивалентность не означает полной тождественности оригинального и переводного текстов. В особенности это касается текста художественного, перевод которого создает «особый вид *текста*, призванный представлять исходное художественное произведение в иноязычной культуре» [15]. Цель художественного перевода – «осуществление полноценной межъязыковой и межкультурной эстетической коммуникации путем интерпретации исходного текста, реализованной в новом тексте на другом языке» [8].

Перейдем к рассмотрению конкретного языкового материала, представив оригинал стихотворения и его переводы:

Марина Цветаева <i>Попытка ревности</i>	Elaine Feinstein <i>An Attempt at Jealousy</i>	Rolf W.F. Gross <i>Attempt at Jealousy</i>
Как живется вам с другою, Проще ведь? – Удар весла! – Линией берегового Скоро ль память отошла	How is your life with the other one, simpler, isn't it? One stroke of the oar then a long coastline, and soon even the memory of me	How can you live with another woman- Simpler – Pull at the oar! – Head for the coast line Soon you memory will have departed
Обо мне, плывучем острове (По небу – не по водам!) Души, души! – быть вам сестрами, Не любовницами – вам!	will be a floating island of me, (in the sky, not on the waters): spirits, spirits, you will be sisters, and never lovers.	The floating island (In the sky – not in the sea!) Souls, Souls! – You'll be sisters, Not lovers – you!
Как живется вам с <i>простою</i> Женщиною? <i>Без</i> божеств? Государыню с престола Свергли (с оного сошед),	How is your life with an ordinary woman? without godhead? Now that your sovereign has been deposed (and you have stepped	How can live with a simple Woman? Who lacks god's gifts? The queen of the altar Is overthrown (by the groom above)

Как живется вам – хлопочется – Ежится? Встается – как? С пошплиной бессмертной пошлю- сти Как справляетесь, бедняк?	How is your life? Are you fussing? flinching? How do you get up? The tax of deathless vulgarity Can you cope with it, poor man?	How can you live – fussing Shivers? Getting up – how? In those deadly trivialities How do you cope, poor man?
«Судорог да перебоев – Хватит! Дом себе найму». Как живется вам с любовью – Избранному моему!	'Scenes and hysterics I've had enough! I'll rent my own house'. How is your life with the other one now, you that I chose for my own?	'Hysteria and convulsions I am through - Enough! Home, I am self employed'. How can you live with any ordinary lover - My chosen one!
Свойственнее и съедобнее – Снедь? Приестся – не пеняй ...	More to your taste, more delicious is it your food? Don't moan if you sicken.	Suitable and edible – Food? Fed up – no one to blame. ...
Как живется вам с подобием – Вам, поправшему Синай!	How is your life with an <i>image</i> you, who walked on Sinai?	How can you live with someone – Who trampled underfoot [the laws of] Sinai?
Как живется вам с чужою, Здешнею? Ребром – любя? Стыд Зевесовой вожжого Не охлестывает лба?	How is your life with a stranger from this world? Can you (be frank) love her? Or do you feel shame like Zeus' reins on your forehead?	How can you live with someone? Here? Is this – love? Shame, does Zeus with his reins Not whip you forehead?
Как живется вам – здоровится – Можется? Поется – как? С язвою бессмертной совести Как справляетесь, бедняк?	How is your life? Are you healthy? How do you sing? How do you deal with the pain of an undying conscience, poor man?	How are you living – healthy – How is it? Singing poetry – how? With a poisoned immortal conscience How do you cope, poor man?
Как живется вам с товаром Рыночным? Оброк – крутой? После мраморов Каррары Как живется вам с трухой	How is your life with a piece of market stuff, at a steep price. After Carrara marble, how is your life with the dust of	How can you live with commodities That are salable? Price – terrible? After Carrara marble How can you live with cheap plunder
Гипсовой? (Из глыбы высечен Бог – и начисто разбит!) Как живется вам с стотысячной –	plaster now? (God was hewn from stone, but he is smashed to bits.) How do you live with one of a	Plaster of Paris? (carved from blocks God – and smashed to bits!) How can you live with one of the hundred thousands You, who remember Lilith?
Вам, познавшему Лилит!	thousand women after Lilith?	
Рыночно новизною Съты ли? К волшебам остыв, Как живется вам с земною Женщиною, без шестых	Sated with newness, are you? Now you are grown cold to magic, how is your life with an earthly woman, without a sixth	Novelties for sale Do they suit you? Watered down magic, How do you live with a mortal Woman, who lacks a Sixth
Чувств? Ну, за голову, счастливы? Нет? В провале без глубин – Как живется, мильй? Тяжче ли? Так же ли, как мне с другим?	sense? Tell me: are you happy? Not? In a shallow pit How is your life, my love? Is it as hard as mine with another man?	Sense? Ha, how is your head: happy? No? In a pit of no depth – How are you, dear? It all depends, The same as I with another man?

Нетрудно заметить несоответствие в отношении такого формального параметра, как физико-акустические свойства стихотворения. В переводном тексте исчезла рифма, построенная по формуле *abab*. Не сохранен аллитерационный рисунок, обеспеченный повтором звуков [ж, з, б, л, с] в 7-й строфе, звука [р] в 8-й и др. Приведем примеры звуковой инструментовки, не нашедшей отражения в английских переводах: «живется – чужою – вожжою»; «здешнею – Зевесовой»; «товаром – рыночным – оброк – крутой – мраморов – Каррары – трухой» и т.п.

Переводчики используют не канонические рифмованные созвучия, а верлибр, утвердившийся в английском стихосложении, приблизивший звучание стиха к обычной интонации разговорной речи. Объяснение можно найти в том, что «в общей социальной оценке свободный стих расценивается выше, чем рифмованная и связанная строгой метрической нормой поэзия» [15, 16].

Сознательный отказ от рифмы свидетельствует о наличии определенной коммуникативной установки как элемента планирования и программирования переводческой деятельности [17, 18]. Эта установка задает цель осуществить своеобразную прагматическую адаптацию исходного текста к восприятию его англоязычным читателем, который придерживается в данных конкретных исторических условиях иной иерархии литературно-художественных ценностей.

Заметим, однако, что вопрос о рифме не столь прост, и многие поэты хранят верность данной форме упорядоченной гармонии. Так, Фрост сравнивал верлибр с игрой в теннис без сетки [19].

В подтверждение важной роли рифмы как одного из компонентов звуковой инструментовки следует отметить ее тесную связь с суггестивной функцией. Специфическая организация звука в поэзии особым образом воздействует на адресата, сближаясь в этом плане с музыкальным произведением, которое оказывает непосредственное влияние на внутренний мир человека [20].

Прагматическая адаптация исходного текста, транспонированного «в культуру получателя», не соблюдает принцип сохранения в переводном варианте «инокультурного колорита» [21]. Нельзя не согласиться с известным высказыванием Я.И. Рецкера о том, что «перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем» [22]. Эта точка зрения восходит к концепции Ф. Шлейермахера, ориентировавшего переводчиков на язык и текст оригинала, полагавшего, что читатель переводного текста должен чувствовать, что он воспринимает именно иностранный текст [23].

Отказ от воспроизведения стиховых форм оригинала – особенностей метрики, ритмики, рифмовки – лишает английского читателя возможности интеллектуального напряжения, преодоления сложившейся привычки к эмоционально-спокойной, разговорно-бытовой интонации, которая присуща английскому свободному стиху. Заметим, что сама Цветаева относилась к рифме и ритму в поэзии очень трепетно, как к прорыву в нечто новое, непознанное: «Полная срифмованность. / Ритм, впервые мой! / Как Колумб здороваюсь / С новою землей – /» [Поэма воздуха]. Сказанное означает, что анализи-

руемый перевод не отвечает одному из видов эквивалентности, выделенному В. Коллером, а именно, принципу формально-эстетического подобия.

Не соответствуют приведенные переводы и принципу текстонормативной эквивалентности, поскольку не соблюдаются те жанровые нормы и стандарты, которые присущи каноническому поэтическому тексту в русской стихотворной традиции.

Рассмотрим такой формальный аспект, как графический облик текста. В переводе, осуществленном Э. Фейнштейн, бросаются в глаза отступы в четных строках, придающих некое подобие фигурности стихотворению. Многие строки (19 из 48) начинаются не с заглавных, а строчных букв. Можно усмотреть в этом желание разрушить привычную упорядоченность, отойти от жесткой схемы, предписывающей графическое выравнивание строк с обязательными заглавными буквами в начале каждой строки.

Сравнение переводных текстов с подлинником выявляет несоответствие в отношении такого средства шрифтового выделения, как курсив. Так, в обоих переводах не выделены прилагательное и предлог в третьей строфе: «Как живется вам с *простою* / Женщиною? *Без* божеств?». Устранение курсива в этом контексте лишило текст дополнительной акцентуации, что несколько снизило его коннотативный, эмоционально-экспрессивный и оценочный потенциал.

В переводе, осуществленном Э. Фейнштейн, со всей очевидностью проступает несоответствие переводного текста исходному в отношении такого графически-пунктуационного средства, как тире, которых в оригинале насчитывалось 17 знаков. Напомним, что сама М. Цветаева высоко ценила этот знак, способный передать на письме резкое движение, удар, отрывистую речь, прерывистое дыхание и просто затянувшееся молчание – паузу. Она пишет: «Весь поэт на одном тире / Держится ...» [24].

Кстати говоря, этот знак не чужд и англоязычной поэзии. Вспомним стихотворение Эмили Дикинсон «He Fumbles at Your Soul», состоящее из 14 строк, в котором используются 15 тире. Приведем лишь одну строку: Deals – One – imperial – Thunderbolt – [19].

Э. Фейнштейн отказалась не только от тире, но и от пяти восклицательных знаков. Преобразились, например, и резко ослабили свою антитетичность и эмоциональность следующие фразы: (По небу – не по водам!), ср.: (in the sky, not on the waters); (Из глыбы высечен / Бог – и начисто разбит!), ср.: (God was hewn from / stone, but he is smashed to bits.).

Из сказанного явствует, что в переводе, предложенном Э. Фейнштейн, не выдерживается принцип эквивалентности, нацеленный на передачу формальных свойств оригинального текста, осуществляющих художественно-эстетическую функцию. Потери в эмоционально-экспрессивном плане, последовавшие за устранением курсива, тире, восклицательных знаков, не были полностью компенсированы, что обеднило переводной текст в отношении дополнительной, коннотативной информации. Следует отметить более бе-

режное отношение к пунктуационно-графическим средствам в переводе, выполненном Рольфом Гроссом.

Рассмотрим сравниваемые тексты с точки зрения входящих в их состав лексических единиц. Необходимо отметить, что в семантическом, содержательном плане выбор переводчиками слов и словосочетаний во многом был удачным. Это касается регулярных межъязыковых эквивалентных соответствий («простую»: ordinary/simple; «новизною»: newness / novelties); вариантных соответствий, используемых в контекстуально-определяемом значении («государыню»: sovereign / queen; «Из глыбы высечен»: hewn from stone / carved from blocks); аналогичных замен («товаром рыночным»: with a piece of market stuff / with commodities / That are salable; «свойственное и съедобнее – снесь»: more to your taste, more delicious, is it, your food / Suitable and edible – / Food?; «Приестся – не пеняй»: Don't moan if you sicken / Fed up – no one to blame).

Вместе с тем, переводчикам не удалось избежать и весьма досадных просчетов. Неверным является перевод Э. Фейнштейн строки «Души, души! – быть вам сестрами, /» как «spirits, spirits, you will be / sisters». Несмотря на то, что в словарях содержится указание на соотношенность слова spirit со словом soul, их нельзя признать полными синонимами вследствие различия в значениях. Слово spirit скорее означает дух, чем душу. Его негативная коннотация выражается в частом соотношении со смертью (the spirits of the dead [25]; a dead person who comes back to the world [26]), со злом (evil spirit) [26]).

Перевод, предложенный Рольфом Гроссом, вполне соответствует в данном случае принципу денотативной и коннотативной эквивалентности: «Souls! Souls! – You'll be sisters»). Значение слова soul в английском языке содержит такие позитивно оцениваемые компоненты, как «бессмертие» (immortality [27]); «духовность» (the spiritual part of a person [26]); «этичность и эмоциональность» (the moral and emotional part of man [27]); «глубокие чувства» (deep feelings [28]).

В обоих переводах не отвечает критерию референциальной и коннотативной эквивалентности перевод слов и словосочетаний «хлопочется» (fussing); «Судорог да перебоев» (Scenes and hysterics / Hysteria and convulsions); «ну, за голову» (tell me / На, how is your head?).

К примеру, ведущим компонентом в семантике русских слов «хлопоты», «хлопотать» является положительно оцениваемая деятельность: «усердие, забота, стремление помочь кому-либо» [5]. Выбранное переводчиками слово fuss обозначает «ненужную» (unnecessary), «показную» (ostentatious) активность, характеризующую «нервным возбуждением» (nervous excitement), «беспокойством» (worry) «из-за незначительных вещей, пустяков» (unimportant, little things) [25, 26].

Использованные переводчиками однокоренные hysterics и hysteria не имеют соответствующих референтов в оригинале. В стихотворении М.Цветаевой речь идет отнюдь не о банальных сценах и женских истериках (senseless, uncontrollable excitement [25]). Ключ к описываемому состоянию – «судорог да перебоев» – можно увидеть в значениях слов «судороги» (резкое

непроизвольное сокращение мышц, обычно сопровождаемое болью) и «перебои» (нарушение сердечного ритма) [5].

Этими словами поэт передавала то, что она физически чувствовала, когда эмоции захлестывали ее. «Гудят моей высокой тяги / Лирические провода», писала М. Цветаева, говоря, что это «Чувств непреложный передатчик», а чувства эти: «Мои неизданные вздохи, / Моя неистовая страсть ...» [4]. И этот высоковольтный ток чувств давал о себе знать и судорогами, и перебоями в сердце.

Неудачен в референциальном плане перевод Э. Фейнштейн слова «ежиться» (flinching). Русский глагол означает здесь «сжиматься всем телом от ощущения холода» [5], что верно передано в переводе Р. Гросса как *shivers*. Английское же *flinch* «вздрагивать от боли, страха, удивления, уклоняться от долга, отступать» (см. дефиниции в словарях: [25, 26]) в семантическом отношении не эквивалентно русскому слову «ежиться».

Нельзя признать удачным и перевод фразы «Ребром – любя?», который звучит так: *Can you (be frank) / love her?* Здесь необходимо интертекстуальное подключение, обращение к другим стихотворениям, где слово-фаворит «ребро» означает родство, близость, душу. Обращаясь к будущим, не родившимся еще внукам, М. Цветаева говорит, что они – ее «утробушка», «ребрышко от ребрышка» [2]. Ребро для Цветаевой – воплощение души. Спрашивая: «Что же мне делать, ребром и промыслом / Певчей!» [2], она имеет в виду свое призвание поэта, заложенное в ее душу божественным промыслом.

Исходя из этого, можно было бы перевести оригинальную фразу иначе, задавая вопрос, по душе ли, по сердцу ли избранница. Попутно заметим, что парентеза (*be frank*) ставит под сомнение искренность героя, унижая его, что абсолютно неуместно в данном контексте. Предложенный в переводе Р. Гросса вариант (*Is this – love?*) представляется более верным, соответствующим в смысловом отношении исходному тексту.

В переводе Р. Гросса также имеются недочеты. Референциальному и коннотативному критерию не отвечает, например, перевод словосочетаний: «к волшбам остыв» (*Watered down magic*); «тяжче ли» (*It all depends*). Из перевода, опирающегося на обыденную лексику, исчезает особая поэтическая, цветаевская атмосфера, создаваемая малоупотребительными, узуально маркированными словами и словоформами. Представляется неверным перевод «чужою, / Здешнею?» как “*someone? / Here?*”; «Дом себе найму.» как “*Home, I am self-employed*”.

Проведенный к настоящему моменту анализ, в центре внимания которого находились формальные и содержательные аспекты сопоставляемых текстов – подлинника и его переводов, – оставил за рамками исследования синтаксические особенности исходного текста и способы их передачи при переводе. Рассмотрим сопоставляемые тексты в этом, новом ракурсе.

Грамматическим лейтмотивом стихотворения М. Цветаевой являются вопросительные предложения, содержащие безличные глаголы с постфиксом *-ся*. Эти глаголы акцентируют внимание читателя на физических ощущениях

и психических переживаниях субъекта, выступающего «в роли объекта, на который направлено действие. Например: *мне хочется; плохо работается; не спится; нездоровится; икается* и т.п.»; безличные глаголы на *–ся*, выражают действие, «независимое от воли лица, участвующего в процессе, и проявляющееся интенсивно» [29]. И это безлично-интенсивное значение, то есть фактическая бессубъектность, передает чрезвычайно важный смысл, подчеркивающий пассивно-страдательную роль героя, неспособного активно противостоять жизненным обстоятельствам. Примером могут служить следующие параллельные конструкции: «Как живется вам – хлопчется – / Ежится? Встается – как?»; «Как живется вам – здоровится – / Можется? Поется – как?».

Эта безличность полностью пропадает в переводе Э. Фейнштейн: «How is your life?; How do you get up?; Are you/healthy? How do you sing?». Р. Гросс в ряде случаев находит более удачные соответствия: *Getting up – how? Singing poetry – how?*

Итак, сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения М. Цветаевой и его английских переводов выявил значительные отступления от общего принципа достижения разных видов эквивалентности: формально-эстетической, денотативной, коннотативной, текстонормативной. Вследствие этого не представляется возможным идентифицировать рассмотренные переводы как эквивалентные оригинальному тексту. Вместе с тем, с достаточной степенью уверенности можно говорить об адекватности предложенных переводов, соответствующих поставленной переводчиками цели передать основное денотативное содержание данного произведения. Это позволяет трактовать их как качественно выполненные подстрочные переводы.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. При переводе поэтического текста необходимо учитывать самые разные аспекты. Глубокое осознание этого и высочайший профессионализм позволят донести до читателя сокровенную суть поэтического произведения, избежав на этом пути переводческих потерь, ошибок и искажений. Только в этом случае мы имеем право говорить о создании не просто адекватного, а эквивалентного, равноценного оригиналу поэтического текста.

Библиографические ссылки

1. *Гаспаров М.Л.* Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова / М.Л. Гаспаров // Кафедральная библиотека [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://povgustlit.ru/library/?p=24>
2. *Цветаева М.* Стихотворения. Поэмы. Вступ. статья Р. Рождественского; Сост. и подготовка текста А. Саакянц [Текст] / М. Цветаева. – М.: Художественная литература, 1989. – 445 с.
3. *Саакянц А.* Поэт. Комментарии [Текст] / М.И. Цветаева. Поэзия. Проза. Драматургия. – М.: Слово/ SLOVO. – С. 5-12; С. 530-562.
4. *Цветаева М.И.* Поэзия. Проза. Драматургия. Сост., предисл. и коммент. А.А. Саакянц [Текст] / М. И. Цветаева. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. – 568 с

5. *Ожегов, 1973 – Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой / Ожегов С.И. – М.: Сов. Энциклопедия, 1973. – 846 с.
6. *Липатова В.В.* Понятия эквивалентности и адекватности в преподавании перевода в высшей школе на современном этапе [Текст] / В.В. Липатова, А.В. Литвинов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика», 2011. – № 4. – С. 105- 113.
7. *Латышев Л.К.* Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Международные отношения, 1981. – 248 с.
8. *Оболенская Ю.Л.* Перевод как форма взаимодействия литератур [Текст] / Ю.Л. Оболенская // Введение в литературоведение. Под ред. Л.В. Чернец. – 3-е изд. – М.: Изд. центр «Академия», 2010. – С. 598-611.
9. *Feinstein E.* Marina Tsvetaeva. Selected Poems [Text] / Elaine Feinstein. – N.-Y.: Penguin Classics, 1994. – 131 p.
10. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение [Текст] / И.С. Алексеева. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Изд. центр «Академия», 2008. – 368 с.
11. *Nida E.A.* Toward a Science of Translating [Text] / E.A. Nida. – Leiden: E.J. Brill, 1964.
12. *Baker M.* In Other Words: A Coursebook on Translation [Text] / M. Baker. – Lnd. And N.-Y.: Routledge, 1992.
13. *Koller W.* Equivalence in Translation Theory [Text] / W. Koller // Readings in Translation Theory / Ed. By A. Chesterton. – Helsinki: Oy Finn Lectura Ab, 1989. – P. 99-104.
14. *Шамова Н.В.* Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе [Текст] / Н.В. Шамова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - № 2. – 2005. – С. 171-180.
15. *Казакова Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика [Текст] / Т.А. Казакова. – СПб.: ООО «Иньязиздат», 2006. – 544 с.
16. *Шутемова Н.В.* Проблема «Язык и стих» в поэтическом переводе [Текст] / Н.В. Шутемова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Вып.9 (642). – М.: МГЛУ, 2012. – С. 227-235.
17. *Швейцер А.В.* Перевод и лингвистика [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
18. *Сдобников В.В.* Стратегия перевода: Общее определение [Текст] / В.В. Сдобников // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – №1 (13). – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 165-172.
19. *Paulin T.* The Secret Life of Poems: A Poetry Primer [Text] / Tom Paulin. – Lnd.: Faber and Faber Ltd., 2008. – 238 p.
20. *Граудина Л.К.* Русское слово в лирике XIX века. 1840-1900: учеб. пособие [Текст] / Л.К. Граудина, Г.И. Кочеткова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 600 с.
21. *Латышев Л.К.* Перевод: Теория, практика и методика преподавания [Текст] / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 192 с.
22. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я.И. Рецкер. – М., 1974.
23. *Schleiermacher F.* On the Different Methods of Translating [Text] / R. Schulte, J. Birguenet // Theories of Translation. – Chicago: Chicago Press, 1992. – P. 36-54.
24. *Цветаева М.* Лирика: стихотворения, поэмы, проза [Текст] / М. Цветаева. – М.: Эксмо, 2010. – 656 с.

25. *OALD*, 1970 – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English [Text]. – Lnd.: Oxford Univ. Press, 1970. – 2000 p.
26. *MED*, 2005 – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Text]. – Oxford: Macmillan Publishers Ltd., 2005. – 1689 p.
27. *COD*, 1956 – Concise Oxford Dictionary of Current English [Text]. – Lnd.: Oxford Univ. Press, 1956. – 1536 p.
28. *CIDE*, 2001 – Cambridge International Dictionary of English [Text]. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2001. – 1773 p.
29. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / Под ред. Г.А. Золотовой / В.В. Виноградов. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
30. *Семенов В.Б.* Поэтическая графика [Текст] / В.Б. Семенов // Введение в литературоведение. – 3-е изд. Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Изд. центр «Академия», 2010. – С. 495-505.
31. *Gross R. Marina Tsvetaeva. Seventy-five Selected Poems. A Working Repository of Poems and Translations. Spring 1010* [Электронный ресурс] /Rolf Gross. – Режим доступа: <http://rolfgross.dreamhosters.com/Tsvetaeva/PA-Poems.pdf> [Дата обращения: 7.04. 2013].
32. *The Oxford Book of English Verse* [Text] / Ed. By Christopher Ricks. –Oxford: Univ. Press, 1999. – 690 p.